

Л. И. Земцов

**ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЛОСТНЫХ СУДОВ В РОССИИ
(60—70-е гг. XIX в.)**

Вторая половина XIX в. — время, когда на правовом пространстве России сосуществовали две судебно-правовые системы: одна — опиравшаяся на писаный закон и суды, созданные в ходе осуществления реформы 1864 г.¹, вторая — имевшая основанием устное обычное право. Официальным органом последней стал созданный законами 19 февраля 1861 г. волостной крестьянский суд. Российская историческая наука вновь, после длительного перерыва, стала уделять внимание правовым представлениям великорусского крестьянства и их практическому применению².

Итогом оценок обычно-правовой системы второй половины XIX в. является утверждение, фиксированное в названии одной из глав работы О. Г. Вронского: “Община и закон: “обычное право” или обычное бесправие?”³. Несмотря на вопросительный знак, автор последовательно утверждает, что в деятельности мирской организации проявлялось именно второе. Так и Т. В. Шатковская, выделяя “основные проявления” крестьянского суда, отметила только демонстрируемую им “дикую сторону народной культуры, предразсудков и грубость нравов”⁴. В немалой степени основой критических оценок народной правовой культуры являются отказ от рассмотрения изменений в ней на протяжении второй половины XIX в., отсутствие акцентирования общих подходов к оценке судебных случаев в деятельности волостной юстиции и выделения тех норм поведения, которые закрепляло крестьянское право.

Уже в конце XIX в. распространенной являлась точка зрения, в соответствии с которой законодательное обеспечение деятельности волостной юстиции должно быть осуществлено путем кодификации народно-правовых обычаев. Необходимость фиксации обычного права в писаном законодательстве отмечал Н. В. Калачов в 1875 г. на первом съезде русских юристов⁵. Сторонником идеи юридического закрепления обычного права, активно пропагандировавшим ее на протяжении двух десятилетий, был профессор А. А. Леонтьев. Он считал необходимым иметь “гражданские законы, основанные на обычно-правовом сознании крестьян”⁶. Фиксация разнообразия и законодательное утверждение обычая многи-

ми считались в то время необходимостью с точки зрения либеральной идеи единого и равного для всех закона и суда.

Кодификация обычного права признавалась достаточно легко исполнимой потому, что народное право понималось как совокупность определенных, хотя и отличающихся на различных территориях, норм. Но искатели обычного права вдруг убеждались, что “нормы” не только существенно отличаются регионально, но и применение их практически всегда зависит от иных крестьянских представлений. Оказывалось, что его, обычного права, как системы устно существующих, но четко фиксированных “норм”, просто нет.

В форме достаточно распространенных в те времена анекдотов о крестьянах приведем мнение одной из групп либеральных земцев, высказанное на знаменитом совещании общественных деятелей в начале ноября 1904 г. Обсуждался вопрос о необходимости “правильного суда” для крестьян; вдруг “явились сторонники обычного права, указывая на необходимость сохранения и проведения его в жизнь; им возражали, что когда какой-то ученый-юрист попробовал сделать сводку всех существующих в России обычаев, то после долгих вопросов и собраний материалов он с уверенностью вывел только один обычай: “пить на сходах водку”⁷.

Приведенный пример — признание современниками существования и значения народного права, при понимании отсутствия достаточно распространенных одинаковых абстрактных норм, необходимых для утверждения последовательного равенства всех перед законом. Итак, обычаи, в том числе и правовые, — есть, но твердо фиксированных устных норм — нет.

Для великороссийского крестьянства, на всем обширнейшем пространстве его распространения, существовали общие представления о содержании “правды-справедливости”, о том, что необходимо принимать во внимание в суде при рассмотрении тяжб и проступков. “Одинаковость” заключалась в общих *принципиальных подходах* к решению как гражданских дел, так и при рассмотрении проступков.

Многие современники положительно оценивали крестьянские правовые представления и решение на их основе проблем крестьянской жизни. К. Д. Кавелин, высоко ставивший определяющие нормы закона, писал о крестьянском обиходе в родных краях: “.....как мне кажется..... способ здешних сделок в основании своем справедливее, чем строго юридические отношения, как они известны из римского права”⁸. Тот же вывод сделал и И. И. Петрункевич: внедрявшаяся “идея формального права была искусст-

венно направлена против чести, против моральной обязанности и правды, и потому сослужила плохую службу народу, утратившему, благодаря этому, один из важнейших устоев своего морального быта.....”⁹. По мнению названных деятелей, крестьянская “правда” оказывалась выше закона, основанного на римском праве.

В 70-е гг. XIX в. на основе изучения народного права рядом исследователей-этнографов и юристов, осмысления ими “сырого материала”, представленного в решениях волостных судов, были определены своеобразные черты крестьянского права. Эти последние отражали, по мнению П. П. Чубинского, А. Я. и П. С. Ефименко, И. Г. Оршанского, И. Тютрюмова и др., национальную специфику правовых взглядов русского человека. Автор “Исторического вестника” обобщил в журнале: изучая народные обычаи, можно выяснить, “что составляет наши настоящие национальные особенности”; их освоение может указать нам путь, которому должно следовать, чтобы прийти к каким-нибудь веским и ценным результатам в вопросе законодательном. Обычное право “дает прямые указания юристам и законодательству, что нужно делать, чтобы создать вполне цельное и последовательное, и в то же время национальное, право”¹⁰.

Его основой должно было быть осуществление крестьянского понимания справедливости, заключающейся в равенстве во всех имущественных отношениях. Отсюда: каждому крестьянскому двору, как составной части мира, должна была быть предоставлена возможность приложить свои трудовые усилия для обеспечения существования его членов. Дальнейшие успехи любой семьи определялись набором случайных обстоятельств (все от Бога!), от сноровки и трудовых усилий.

В результате важнейшей составляющей обычно-правовой системы являлось трудовое начало (“право труда”). Главным в подходе на его основе был взгляд крестьянина на труд “как на единственный, всегда признаваемый и справедливый, источник собственности”¹¹. Общим представлением крестьянства было убеждение в том, что каждый человек имеет право на землю для пропитания своего и семейства, член данной общины — участник в пользовании землей коллектива. Это право он сохранял навсегда, если только каким-либо способом участвовал в работе на земле, даже, например, присылая небольшие суммы денег из города, где трудился на фабрике или в лавке, семейству, которое этот вклад воспринимало как участие в хозяйственной деятельности двора.

По мнению Е. И. Якушкина, первым указал на значение трудового начала А. А. Тидебель в статье “Быт рыбаков на Чудском

озере”¹², позднее обратил на него внимание В. В. Берви-Флевровский. Последний писал об “учении о собственности, порождаемой трудом”, выработанном “лишь сознанием безграмотного народа” и не имевшем “никакой юридической теории”, но которое “должно установить порядок несравненно высшего свойства”¹³.

Яркий пример значения “права труда” как основы прав пользования — решение Хрущевского волостного суда. В ходе заседания отец, мать и два брата отказывают третьему брату в доле надела и имущества. Но именно он, старший, “...был около 10 лет настоящим домоправителем, а последний год отправился на заработки и попался в острог, за что ему не хотят из дома дать ничего”. Суд же “по спросе добросовестных и выборных с. Хрущова..... которые подтвердили, что Григорий Бобков действительно был первый работник в доме” постановил выделить ему имущество¹⁴.

Даже вспахавшему чужую землю, и не только при добросовестном заблуждении, но и в связи с собственными претензиями на нее, даже отклоненными крестьянским судом, необходимо было возместить трудовые усилия. Так, ответчик по решению Долговского волостного суда мог забрать в качестве оплаты труда часть урожая с земли, которую он ошибочно считал им арендованной. Другой крестьянин самовольно засеял уже сданный надел, а потому волостной суд постановил: землю посеянную первым убрать второму, а взамен ее посевику убрать “таковое же ее количество” с поля недобросовестного сдатчика, дабы его труд был вознагражден. В соседней, Бигильдинской, волости среди бывших государственных крестьян несогласный с распределением арендованной земли “припахал и посеял” лишнее. Суд принимает решение: урожай с припаханной земли убрать пополам, чтобы таким образом вознаградить труд ответчика¹⁵.

Из признания решающей роли труда вытекало и еще одно обстоятельство: каждый должен иметь право на проявление своей трудовой способности (“право на труд”), в связи с этим — на землю, что определяло возможность создания условий для прокормления семьи. Именно поэтому крестьянские общины наделяли землей и тех, кому по принятым “нормам” она не должна была быть предоставлена. Так, в деревеньке Моршанского уезда при распределении надельной земли между работниками, при котором на каждого приходилось всего-то 2035 кв. саженей, сельский сход принял решение о наделении вдов-домохозяек одним наделом каждую¹⁶.

Есть свидетельства и иных подходов. В Центральном Черноземье было широко распространено своеобразное “четвертное земле-

владение”. Отличительными его чертами было семейно-долевое, а не общинное владение, отсутствие круговой поруки и коренных переделов; передача земли по наследству, при которой постепенно росла роль завещания главы семьи, взамен обычного распределения участка между всеми наследниками мужского пола, иногда с учетом женщин. Его происхождение (земли мелких служилых людей, однодворцев, полученные на поместном праве) определило возможность свободного распоряжения угодьями (по закону 1866 г.). Распространенность такого явления, как мобилизация той земли, которая по общим крестьянским представлениям — ничья, Божья, говорит о потенциальных возможностях формирования земельного рынка страны, включающего и крестьянские наделенные земли. Оказывается, в миропредставлении крестьян существовало признание и такого права. Обоснованность его определялась тем, что предкам нынешних четвертников земля была дана достаточно давно (срок давности) государственной властью (царем) и ее владельцы сами работали на ней (право труда).

Существенно, однако, то, что большинство владельцев участков четвертной земли не признавали это землевладение “настоящим правом”¹⁷ и требовали перехода к уравнительному, подушному распределению земли. Обычно-правовые представления были вполне определены, настолько отвечали представлениям большинства, что после запрета продажи четвертной земли (1893 г.) не зафиксировано каких-либо протестов ее владельцев.

Представления крестьян-четвертников указывают на то, что в российском крестьянстве существовали противоположного свойства — как индивидуалистические устремления, так и коллективистические, общинные. Сторонники первых пытались использовать закон, вторые — обычно-правовые представления. Государство в 90-е гг. встало на сторону вторых, и не осуществилась возможность завершить процесс преобразования земель четвертной формы в своеобразную крестьянскую собственность.

Важно не только то, что трудовым началом определялись в народных представлениях права собственности и пользования землею и иным имуществом. Применение трудового начала к решению гражданских дел и проступков связывалось еще и с тем, что, при вынесении суждения, судьями принимались во внимание нравственные качества любого участника процесса — истца, ответчика, обвиняемого, свидетеля на основе, прежде всего, оценки его отношения к труду.

Указанный подход являлся основой субъективизма крестьянского права, т. е. вынесения суждения “глядя по человеку” и, кро-

ме того, исходя из того, “чтобы никому не было обидно”, используя распространенный во всех краях России способ — “грех пополам”. Смысл его заключался в том, что долг, ущерб или убытки, в случае неясности доказательств вины, не присуждались к возмещению ответчиком, но делились поровну между сторонами¹⁸.

При разрешении гражданских дел судьи останавливались на том или ином приговоре исходя из обстоятельств дела, принимая во внимание и личные качества крестьянина. Так, истец-пасынок возражает против выделения доли вдове после смерти ее мужа; суд мотивирует решение и принимает во внимание, что поскольку вдова “прежде вела себя распутно, равно и в настоящее время..... неоднократно в семействе учиняла и учиняет буйственные дерзкие поступки...”, то не отделять “никакой части Афимье Марковой как вдове недобропорядочного поведения, а доставлять ей..... ее узаконенную мещину...”¹⁹.

При рассмотрении дела о недожитии наемным работником суд, определяя необходимость возместить убытки нанимателя и накладывая штраф на батрака, в аргументирующей части отмечает, что такое решение принято “при узнании от некоторых жизнь просителя Никитина и ответчика Семенова”. Даже если в данном случае аргументы приписаны писарем в пользу “эксплуататора” Семенова, то в них отражается общественно признанный подход, который, по мнению крестьянского мира, является справедливым. На первом плане в субъективной оценке личности — отношение к труду того и другого, и вывод — не в пользу “эксплуатируемого”. Несмотря на вторичное обращение в суд, когда дело рассматривалось уже по требованию съезда мировых посредников, судьи повторяют решение об отказе истцу “как человеку недобросовестному..... как о том подтвердили местный староста Данил Трофимов и многие крестьяне”²⁰.

Еще в ходе подготовки документов реформы председатель Редакционных комиссий В. Н. Панин заметил: “...Если человек хорош так, чтоб это могло быть причиною не осудить его за проступок или преступление — этого я не понимаю”²¹.

Но то, чего не понимал министр юстиции, понимали (и возможность, и, главное, справедливость такого подхода) русские крестьяне. При рассмотрении проступков ими принимались во внимание такие стороны поведения истца, ответчика, обвиняемого, которые были связаны не только с их трудовой деятельностью, но и с поведением, состоянием хозяйства, платежными отношениями к обществу, обязательствами к другим лицам. Те или иные выводы оказывали решающее влияние на итог обсуждения, вплоть до оправдания при ясных доказательствах вины.

Разным отношением к оценке проступков и, как следствие, к строгости вынесенного наказания, переполнены решения волостной юстиции. На суровость вынесенного наказания влияли, в первую очередь, личные качества. Телесное наказание применено, поскольку ответчик “вздорного и упрямого характера”²²; принято решение уменьшить наказание, так как “учинил проступок без намерения и в первый раз как человек хорошего поведения”²³; “так как крестьянин Тарасов поведения хорошего, худого дела и слуху за ним никогда не было, да и означенная веревка у него была в употреблении не с намерением, а в забытии”, то и отказали управляющему имением в наказании Тарасова за кражу²⁴. А так как истец “Герасим замечен был и прежде вздорного поведения... то наказать его розгами 20 ударов”²⁵; отказать в наказании за кражу, так как определенных свидетельств нет, а ответчик “человек добронравственный”²⁶.

Иногда репутация того или иного ответчика оценивается судьей как основание для вынесения обвинительного приговора, несмотря на нехватку доказательств: действительно, прямые свидетельства отсутствуют, но “усматривая из записей решений волостных судов, что Осколков несколько уже раз за подобное буйство сужденный”, то для усмирения “на будущность” приговаривают ответчика к 15 ударам розог²⁷. При судебском снисхождении состояние хозяйства учитывалось в том случае, если неудачи в хозяйствовании зависели от объективных обстоятельств, а не от пьянства или нерадения.

Утверждение Б. Н. Миронова о том, что “обычное право не признавало никаких особых обстоятельств, смягчающих вину, кроме опьянения до потери сознания и притеснений со стороны старших членов семьи...”,²⁸ необходимо серьезно корректировать в соответствии с реальной практикой волостного суда. Должно заметить, что совершение проступка в состоянии опьянения вовсе не обязательно крестьянским судом воспринималось как смягчающее вину обстоятельство. “Злообычность в пьянстве” крестьянина воспринималась судьями как обстоятельство, негативно характеризующее любого участника процесса и, как следствие, вело к резким действиям судей, вплоть до наказания не только ответчика, но и истца²⁹.

Сохранение “персонифицированного права” в русской деревне и 80-х гг. подтверждается, косвенным образом, и тем обстоятельством, что в программе для собирания народных юридических обычаев 1889 г., подготовленной Русским географическим обществом, присутствовали вопросы для его изучения: “№ 380. Какое значение в крестьянских судах имеет показание общины или од-

носельчан о поведении и качествах обвинителя и обвиняемого, истца и ответчика? № 381. Обращаются ли к показаниям добросовестных или всего “мира” для разъяснения обстоятельств дела и удостоверения о личных качествах сторон и достоверности их объяснений?№ 408. Существует ли в народных судах обычай решать дела по правилу “грех пополам”, напр., в случае сомнительности доказательств, или при неумышленном, неосторожном причинении ущерба?”³⁰. Заметим, что в тенишевской программе, подготовленной в 1898 г. и повторяющей некоторые вопросы цитированной выше, указанные темы уже отсутствуют³¹.

Рассматривая тот или иной спор или тяжбу, крестьянские судьи учитывали личные качества человека и, отказываясь от формально-логического подхода, принимали, в случае необходимости (сомнительность доказательств, прошедший срок давности, неумышленное или неосторожное причинение ущерба и т. д.), решение по принципу “грех пополам”.

“Грех пополам” в условиях 60—70-х гг. чаще всего употреблялся при имущественных и денежных спорах, в случае отсутствия расписок и достаточного количества свидетелей. Иногда прямо в тексте указывается на то, что дело решается по указанному основанию, часто исход очевиден при указании той, например, части суммы, которую должен вернуть ответчик. Но уже в 70-х гг. этот способ решения дел практически исчезает в связи с появлением нового в крестьянском обиходе — расписок и письменных договоров.

Учет понимания участником судебской коллегии жизненной ситуации и личных качеств каждой из сторон — важная часть крестьянского представления о справедливости. Так и в государственной практике: присяжные заседатели включали в оценку обсуждаемого события не только юридические доказательства и их полноту, но и складывающиеся представления о личности подсудимого и, осознанно или нет, но принимали во внимание эти мнения при вынесении вердикта. Анонимный автор “Русского вестника” отметил, что “не только для наших крестьян, но и для людей всех классов и состояний обеспечением правильности суда служит не одна только буква закона; они ищут этого обеспечения в свободных проявлениях человеческой совести.....”³².

Очевидно, что основания таких действий формировались в ходе длительного процесса исторического развития, являлись фундаментом правовых взаимоотношений в крестьянской среде и последовательно применялись в ходе деятельности волостной юстиции. Понятно тем самым, что указанные обстоятельства должны быть приняты во внимание при определении того, что традиционно

именуется “обычным правом”. Представление о решающем значении труда, существующее в крестьянстве и утверждаемое крестьянским судом, было основой крестьянской трудовой этики и могло стать фундаментом, на котором формировались новые социально-экономические отношения.

Поэтому решение некоторых сторон модернизации страны возможно было осуществить при опоре на традиционные, но меняющиеся обычно-правовые ценности, при внимательном учете тех перемен, которые происходили в условиях существования крестьянского населения страны. Давление крестьянского общественного мнения, ориентированного на мирские представления о справедливости, могло стать основой утверждения иного типа становления рыночного хозяйства. Содержание и значение принципов крестьянского обычного права требует обратить внимание на их место в обыденной жизни сельского населения страны и при обосновании поведения в условиях тех потрясений, которые пережила Россия в начале XX в.

¹ *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 г. в России: (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994.

² *Тарабанова Т. А.* Состав волостных судов // Вестник Моск. ун-та. 1993. Сер. 8. № 2, *Она же.* Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России: (По материалам волостных судов) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2 и др.; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1—2; *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11—12; *Она же.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов на/Д, 2000; *Вронский О. Г.* Крестьянская община на рубеже XIX—XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; *Безгин В. Б.* Обычное право русской деревни: (Вторая половина XIX — начало XX в.). Тамбов, 2000; *Карпачев М. Д.* Писатель-демократ Н. М. Астырев о духовном состоянии воронежского крестьянства // Филологические записки. Воронеж, 1996. Вып. 7; *Он же.* Столыпинские аграрные реформы в восприятии воронежского крестьянства // Исторические записки. Воронеж, 1996. Вып. 1 и др.; *Никишенков А. А.* Вступление // Обычное право народов России. М., 1998 и др.

³ *Вронский О. Г.* Крестьянская община на рубеже XIX—XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999. С. 116.

⁴ *Шатковская Т. В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века. С. 208.

⁵ Первый съезд русских юристов. М., 1882. С. 9—10.

⁶ *Леонтьев А. А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 1; *Он же.* В поисках за обычным правом // Русское богатство. 1894. № 11. С. 168.

⁷ *Будберг Р. Ю.* Съезд земских деятелей 6—9 ноября 1904 года в Петербурге: (По личным воспоминаниям) // Былое. 1907. № 3. С. 79.

⁸ *Кавелин К. Д.* Письма из деревни // Собр. соч. СПб., 1904. Т. 2. Стб. 672.

⁹ *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. М., 1993. Т. XXI. С. 65

¹⁰ *Б-в И.* Юридические воззрения народа // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 168.

¹¹ *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. М., 1884. С. 139.

¹² *Тидебель А. А.* Быт рыбаков на Чудском озере // Русский вестник. 1857. № 7. См. также: *Якушкин Е. И.* Обычное право. Ярославль, 1896. С. VIII.

¹³ *Берви-Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 190.

¹⁴ Государственный архив Липецкой области (далее — ГАЛО). Ф. 206. Д. 248. 26.03.1872. № 66. Приведенный материал — по Данковскому и Ранenburgскому уездам Рязанской губернии.

¹⁵ *Земцов Л. И.* Волостной суд в России. Воронеж, 2002. С. 275—276, 337—338; ГАЛО. Ф. 206. Д. 2. 26.08.1873. № 52 и мн. др.

¹⁶ Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. 213. Оп. 1. Д. 256. Л. 23 об.

¹⁷ *Панкеев К.* Четвертное землевладение // Русская мысль. 1886. № 3. С. 38.

¹⁸ См.: *Ефименко А. Я.* Субъективизм в русском обычном праве // Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 173—181. Не впервые ли отметил эту черту обычного права Н. В. Гоголь? В страстно раскритикованной В. Г. Белинским книге он писал: “Правосудие у нас могло бы исполняться лучше, нежели во всех других государствах, потому что из всех народов только в одном русском заронилась эта верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог. Эта мысль — везде, и только мы “люди высшие, не слышим ее, потому что набрались рыцарски-европейских понятий о правде” (*Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 180).

¹⁹ ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 65. 12.06.1866. № 2. “Мещина” — мещина, продукты на пропитание.

²⁰ ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 65. 21.06.1870. № 108 и от 18.07.1871. № 143.

²¹ *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Т. 2. СПб., 1890. С. 128.

²² ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 66. 19.11.1873. № 69.

²³ Там же. Д. 65. 9.08.1870. № 110.

²⁴ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 27. 13.10.1863. № 39.

²⁵ Там же. 3.11.1863. № 41.

²⁶ Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 67. 23.03.1874. № 86.

²⁷ Там же. Ф. 206. Оп. 1. Д. 28. 23.05.1870. № 180.

²⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 2. С. 68.

²⁹ Государственный архив Рязанской области. Ф. 525. Оп. 1. Д. 2. 18.06.1868. № 36.

³⁰ Программа для соби́рания народных юридических обычаев. Издание Комиссии соби́рания народных юридических обычаев, состоящей при отделе-

нии этнографии Императорского Русского Географического общества. СПб., 1889. С. 76, 79.

³¹ Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В. Н. Тенишевым // Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 355—469.

³² Н. В. Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 365.

П. С. Дубровский

ЭТИКА ДЕТСКОГО ТРУДА В НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛАХ (по сказам П. П. Бажова)

Часто с возрастом отношение к книгам, прочитанным в детстве, меняется. Как подмечено, это говорит о переоценке отношения к жизни — что нормально, поскольку давно известно: взрослея, человек сопереживает и учится у тех героев, которые ближе и понятней ему сейчас. Однако есть книги, не подвластные возрасту и времени знакомства с ними, понятные и взрослым и детям. На мой взгляд, это книги Павла Петровича Бажова.

Если посмотреть на произведения Бажова с точки зрения российской рыночной экономики XIX в., то можно проследить (выделить) специфику морально-нравственных сторон чисто российского предпринимательства. Присутствие же детей в этой среде только усиливает впечатление.

Бажов в силу своего социального происхождения никогда не был сторонником прихода прозападнического рынка в Россию. Выходец из среды священнослужителей и сам священнослужитель по образованию¹, Бажов, несмотря на участие в революционном движении и официально до конца жизни оставаясь сторонником социалистических преобразований, в душе сохранил нравственные принципы духовной чистоты, в жизни чаще свойственные детям.

При попытке обрисовать картину жизни низов Российской империи в сложный период перехода от патриархальных основ допетровской России, с ее специфическими торговыми, политическими и духовными отношениями, к принципам западной, во многом построенной на ссудном проценте, рыночной экономики, активно навязываемой Петром I, Бажов, исследуя внутренние корни этих противоречий, сумел в “независимой” литературной форме сказов раскрыть и показать то, что было невозможно выразить в советское время открыто. Подобный подход использовали и братья Борис и Аркадий Стругацкие, подавая в форме фантасти-